

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ДОЛГИХ ДИФТОНГОВ

Л. ЗАБУЛЕНЕ

I

Монофонемизация прагерманских дифтонгов в древнеанглийском

В развитии древнеанглийских дифтонгов следует выделять несколько этапов, которые дают возможность свести всю массу сложных языковых фактов к основным событиям в их истории. На первом этапе основные языковые события сводятся к двум процессам: 1) монофонемизации германских дифтонгов и 2) дифтонгизации кратких гласных в определенных позициях („преломление“). Указанные явления положили начало подсистеме долгих и кратких дифтонгов в вокалической системе древнеанглийского языка.

В данной работе сделана попытка подробнее коснуться первого из указанных процессов, т. е. образования и функционирования подсистемы долгих дифтонгов.

В истории языка переход от одной системы к другой подчинен своим закономерностям, тенденции которых часто намечаются уже в предшествующей языковой системе. Следовательно, праязыковая система древнеанглийского языка и даже прагерманская и индоевропейская системы могут оказаться самой удобной отправной точкой для объяснения многих особенностей эволюции и функционирования древнеанглийских долгих дифтонгов.

Древнеанглийские долгие дифтонги /ēa ēo io/ восходят к германским дифтонгам *ai*, *eu*, *iu*, которые трактуются многими исследователями как бифонемные сочетания и анализируются наравне с сочетаниями гласных с сонорными — *ar*, *al*, *am*, *an*, *er*, *el*, *em*, *en* и т. п.¹ В пользу бифонемной интерпретации германских дифтонгов разными авторами приводятся довольно таки сходные аргументы. Большинство авторов указывают прежде всего на тот факт, что компоненты германских дифтонгов почти целиком повторяют развитие простых гласных вне дифтонгических сочетаний, что гоерит в пользу их бифонемности². Слияние индоевропейских *ai* и *oi* в германском дифтонге *ai*, по мнению К. Мэлоуна, как раз и указывает на бифонемность индоевропейских дифтонгов *ai*, *oi* и прагерманского *ai*. Хотя в случае дифтонгов *eu*, *iu* доказательства менее убедительные, автор полагает, что данные некоторых диалектов явно свидетельствуют о их бифонемности³.

¹ Cp. K. Malone. Diphthong and Glide. — In: *Mélanges de linguistique et de philologie: Fernand Mossé in memoriam*. Paris, 1959, p. 257–259; B. Trnka. *Fonologický vývoj germanského vokalizmu*. — „*Časopis pro moderní filologii*“, 1936, vol. XXII, N 2, s. 156; J. Vachek. *Notes on the Quantitative Correlation of Vowels in the Phonemic Development of English*. — In: *Mélanges de linguistique et de philologie*, p. 446; Э. Прокош. Сравнительная грамматика германских языков. М., 1954, с. 92–116.

² J. Vachek. *Ibidem*; Сравнительная грамматика германских языков. М., 1962, с. 76–80.

³ K. Malone. *Op. cit.*, p. 258.

Я. Б. Крупаткин бифонемность германских дифтонгов доказывает на основании комплекса фонетических, морфологических и фонологических критериев:

1) компоненты дифтонгов при словоизменении могли расчленяться по различным морфологическим единицам;

2) между компонентами могла проходить слоговая граница;

3) в фонологических противопоставлениях компоненты вели себя подобно отдельным гласным фонемам данного языка;

4) их компоненты (обычно первый) участвовали в правильных чередованиях, существовавших в данном языке;

5) исторически они восходят к двум самостоятельным единицам;

6) их средняя длительность равнялась сумме длительности двух простых гласных данного языка;

7) в ходе исторического развития их компоненты претерпели изменения, параллельные изменениям простых гласных данного языка⁴.

Данные аргументы приводятся Я. Б. Крупаткиным лишь для того, чтобы объяснить последующую монофонемизацию прагерманских бифонемных комплексов, в противоположность другим исследователям, которые считали, что древнеанглийские дифтонги остались бифонемами в течение всего периода.

Напомним, что еще проф. А. И. Смирницкий предполагал, что германские бифонемные сочетания в своем дальнейшем развитии перешли в древнеанглийские дифтонги, представляющие собой особые сложные звуковые единицы, функционально аналогичные простым единицам — монофтонгам⁵.

Нельзя считать все аргументы Я. Б. Крупаткина в одинаковой мере вескими, так как некоторые из них не поддаются проверке. Определение фонологического статуса дифтонгов в диахроническом плане имеет свои особенности и трудности. Признавая важность фонетической характеристики, фонолог-диахронист должен максимально использовать поведение дифтонга в фонологической системе языка и через внутрисистемные отношения элементов определить его фонологический статус. Это условие должно быть соблюдено и при решении вопроса фонологического статуса долгих дифтонгов древнеанглийского языка.

Можно предполагать, что в самом раннем периоде своего существования, т. е. в раннем праанглийском, долгие дифтонги /*ea*/, /*eo*/, /*io*/ были бифонемными и биморфными, как и древние германские дифтонги. С другой стороны, в историческом и даже в доисторическом этапах древнеанглийского рефлекс прагерманских *ai*, *ei*, *iu* уже должны рассматриваться как монофонеми. О монофонемности долгих дифтонгов говорят многие факты. Фонотактические правила древнеанглийского языка указывают на то, что долгие дифтонги являются единственно возможными гласными комплексами. Поэтому дифтонги должны рассматриваться наравне с простыми гласными. Исходя из этого, можно предполагать, что дистриктивную функцию выполняли не отдельные компоненты, а дифтонг как фонологическая единица в целом. Притом следует указать, что у нас нет данных, которые могли свидетель-

⁴ Я. Б. Крупаткин. К вопросу о стяжении германских *ai*, *ei*. — „Вопросы языкознания“, 1957, № 4, с. 83.

⁵ А. И. Смирницкий. Вопросы фонологии в истории английского языка. — „Вестник МГУ“, 1946, № 2, с. 82.

ствовать, что элементы английских и праанглийских дифтонгов могли распределяться по разным слогам и морфемам. Монофтонгизация долгих дифтонгов в конце древнеанглийского периода подтверждается положением Й. Вахека, что монофтонги могут образоваться только из монофонемных дифтонгов⁶. Заметим, что образование соответственных кратких дифтонгов также является веским аргументом в пользу монофонемности долгих дифтонгов.

Особенно следует остановиться на параллелизме фонетического развития элементов дифтонга и соответствующих монофтонгов. Необходимо подчеркнуть, что элементы дифтонгов в своем фонетическом развитии могут повторять развитие монофтонгов, с которыми они наиболее тесно связаны, однако это отнюдь не указывает на бифонемность дифтонга. С другой стороны, особое фонетическое развитие элементов дифтонга, подчас идущая вразрез с развитием соответствующих монофтонгов, может рассматриваться как важное свидетельство монофонемности дифтонга. Данное замечание важно учесть и в случае германских дифтонгов в праанглийском языке. Развитие германского *ai* > *æi* как раз и является случаем нарушения параллелизма в развитии монофтонга /a/ и первого элемента дифтонга [a-].

Й. Вахек, вслед за А. И. Смирницким, писал, что монофонемизацию вызвала неспособность древнеанглийского /ēa/ [æa] подчиниться закону, согласно которому [æ] должен был веляризоваться в [a], под влиянием последующего велярного гласного⁷. Однако правильнее было бы сказать, что первый элемент не веляризовался в [a] именно потому, что [æa] до начала процесса веляризации уже был дифтонгом-монофонемой и поэтому не должен был подчиниться тем же законам, которым подчинялись монофтонги.

Далее вполне возможно объяснить и тот факт, почему произошла палатализация первого компонента [a-] > [æ-]. В образовавшейся новой подсистеме долгих дифтонгов установилась, таким образом, одинаковая модель фонетической реализации, т.е. скольжение от передней к задней артикуляции. Эта модель установилась по примеру германских дифтонгов *ei*, *iu*, которые при монофонемизации подверглись более незначительным изменениям, чем *ai*. Фонетически дифтонги могли реализоваться как [æu], [eu] и [iu]. Реализация [eu], [iu] сохранилась до эпохи первых письменных памятников, отражаясь и в самых ранних написаниях.

Как уже отмечалось, Й. Вахек определял превращение бифонемных сочетаний в монофонемы по отсутствию веляризации [æ] на стадии *ea* [æa], а не на стадии [æu], т.е. значительно позже, чем полагал проф. А. И. Смирницкий. Однако соотношение развития дифтонгов только с первыми элементами является слишком узким подходом, особенно в случае развития дифтонга /ea/. Трудно, конечно, точно определить время фонологизации долгих дифтонгов, так как любое доисторическое языковое изменение может быть определено только в рамках относительной хронологии.

Следует обратить внимание еще на тот факт, что фонологизация бифонемных сочетаний наблюдалась и в других германских языках, хотя она про-

⁶ J. Vachek. Über die phonologische Interpretation der Diphthonge. — In: *Studies in English*. Vol. 4. Prague, 1933, p. 153—154.

⁷ J. Vachek. Notes on the Quantitative Correlation, p. 446—447.

ходила в них с разной степенью интенсивности. Как замечает В. Я. Плоткин, монофонемизация германских дифтонгов была одним из проявлений утраты германскими языками моросчитывающего характера⁹.

Фонологизация долгих дифтонгов привела к значительному обогащению вокалической системы древнеанглийского языка и вызвала большие изменения на ее парадигматической оси. Вместе с новыми фонемами образовалась новая оппозиция тембрового скольжения, т.е. оппозиция „дифтонг – монофтонг“. Бывшие бифонемные дифтонги интегрируются в вокалическую систему, образуя подсистему долгих дифтонгов, основным признаком которых является скольжение. По признаку скольжения и степени раствора они противопоставлялись монофтонгам и между собой. Признак долготы был еще irrelevanten, так как в системе не было соответственных кратких дифтонгов. Образование подсистемы дифтонгов должно расцениваться как образование периферии вокалической системы, которая по сравнению с центром системы является более неустойчивым блоком.

Однако нельзя не заметить, что образовавшиеся дифтонги занимали довольно изолированное положение в вокалической системе языка. Они могли приобрести более стабильное положение только включившись в корреляцию по количеству, т.е. с появлением кратких дифтонгов.

II

Функциональная характеристика древнеанглийских долгих дифтонгов

Функциональный анализ древнеанглийских долгих дифтонгов в данной работе проводится на обширном лексическом материале, содержащемся в древнеанглийском словаре Дж. Босворта – Т. Н. Толлера¹⁰. Представляется важным провести именно такой анализ, так как в настоящее время мы не располагаем работами, в которых фонотактика древнеанглийских долгих дифтонгов и их функциональное использование в отдельных классах слов и в отдельных грамматических категориях рассматривались бы на базе всего известного древнеанглийского лексического материала, что очень важно и для решения вопроса монофонемизации германских дифтонгов в праанглийском. Исследованию подверглись все слова с дифтонгами /ēa/, /ēo/, /īo/, восходящими к древним германским дифтонгам *ai*, *ei*, *iu*. Методической основой исследования является качественный и в некоторой степени количественный анализ изучаемого явления.

Основной вопрос синтагматики долгих дифтонгов – их сочетаемость с согласными фонемами. Модель дистрибуции дифтонгов корневых морфем должна быть охарактеризована тремя позициями: инициальной, медиальной и конечной.

⁹ В. Я. Плоткин. История системы фонематических оппозиций в английском языке. – Вопросы фонологии и фонетики. Тезисы докладов советских лингвистов на VI международном конгрессе фонетических наук в Монреале, 1971, с. 199–203.

¹⁰ J. Bosworth. An Anglo-Saxon Dictionary, edited and enlarged by T. N. Toller. London, 1964; T. N. Toller. An Anglo-Saxon Dictionary based on the Manuscript Collection of the late J. Bosworth. Supplement. London, 1955.

Заметим, что сочетаемость дифтонгов с согласными фонемами анализируется во всех корневых морфемах, за исключением позиций в сложных существительных и прилагательных типа *ēad-lufe* и *ēad-hrēdig*, в которых за корневой морфемой проходит морфологическая граница. Исключение составляют те имена собственные, в которых инициальный дифтонг /*ēa*/ выступает особенно часто.

В инициальной позиции дифтонги /*ēa*/, /*ēo*/, /*iō*/ имеют разную степень сочетаемости. Дифтонг /*ēa*/ выступает перед дентальными /*d θ n*/, гуттуральными /*k g' h*/, лабиальными /*w*/ и плавным /*r*/:

<i>ēad</i> 'счастливый'	<i>ēage</i> 'глаз'
<i>ēanian</i> 'ягниться'	<i>ēah-mist</i> 'тусклость'
<i>ēap</i> 'легко'	<i>ēare</i> 'ухо'
<i>ēade</i> 'легкий'	<i>ēawan</i> 'показывать'
<i>ēac</i> 'также'	

Кроме того, дифтонг /*ēa*/ выступает перед двухчленными и трехчленными группами согласных /*-dn*/, /*-st*/, /*-str*/:

<i>ēadness</i> 'счастье'	<i>ēastre</i> 'паска'
<i>ēast</i> 'Восток'	

В именах собственных инициальный дифтонг /*ēa*/ выступает часто перед следующими группами: /*-db*/, /*-dg*/, /*-dm*/, /*-dr*/, /*-dw*/:

<i>Ēadbald</i>	<i>Ēadrēd</i>
<i>Ēadgār</i>	<i>Ēadweard</i>
<i>Ēadmund</i>	

Инициальные дифтонги /*ēo*/, /*iō*/ выступают перед единичными согласными и двухчленными группами согласных: /*-w*/, /*-wd*/, /*-wk*/, /*-k*/, /*-st*/:

<i>iower</i> , <i>ēower</i> 'твой'	<i>ēoc</i> прош. вр. от <i>ēacan</i>
<i>ēowcig</i> 'овечий'	<i>ēoster</i> = <i>ēaster</i>
<i>ēowde</i> 'стадо'	

Сочетаемость долгих дифтонгов в конечных позициях также неодинакова. Дифтонг /*ēa*/ выступает после лабиального /*f*/, гуттурального /*h*/ и дентальных /*t l θ*/: *fēa* 'радость', *hēa* 'высокий', *tēa* 'десять', *lēa* 'лев', *þēa* „слу-жанка“.

Дифтонги /*ēo*/, /*iō*/ выступают после дентальных /*l n s θ*/, лабиального /*b*/, гуттурального /*h*/, палатального /*k*/: *lēo* 'лев', *nēo* 'труп', *sēo*, *sīo* опред. арт., *þēo*, *þīo* 'слуга', *bēo*, *bīo* 'пчела', *hēo* (*hēo-daeg*) 'сегодня', *cēo*, *cīo* 'ворона'. Заметим, что /*ēa*/, /*ēo*/ выступают после группы /*kl*-/: *clēa*, *clēo*, а дифтонги /*ēa*/, /*ēo*/, /*iō*/ после /*fr*-/, /*θr*-/: *frēa*-, *frēo*-, *frīo*-, *þrēa*, *þrēo*, *þrīo*. Дифтонг /*ēo*/ еще выступает после /*bl*-/, /*hl*-/, /*kn*-/, /*tr*-/: *blēo*, *hlēo*, *cnēo*, *trēo*.

Дистрибуция долгих дифтонгов в медиальном положении характеризуется двумя позициями: постконсонантной и приконсонантной. В первой позиции дифтонги могут выступать после одного согласного и групп из двух или трех согласных:

<i>hēap</i> 'отряд'	<i>bēor</i> , <i>bīor</i> 'пиво'
<i>hlēapan</i> 'прыгать'	<i>flēogan</i> , <i>flīogan</i> 'плыть'

strēam 'течение'
scrēade 'клочок'
a-sprēadan 'простирается'

ge-strīon, ge-strēon 'богатство'
sprēotan 'расти'

Обследованный материал показывает, что дифтонги /ēa/, /ēo/, /iō/ в постконсонантной позиции после одного согласного активно выступают после всех древнеанглийских согласных, кроме лабиальных /m w/. Самыми продуктивными оказались позиции после плавных /l r/, гуттурального /h/ и дентальных /d θ/. Нужно заметить, что позиция дифтонгов после двух согласных более частая, чем после трех согласных. Дифтонги /ēa/, /ēo/ выступают в основном после тех же групп согласных с незначительными расхождениями: /bl-/, /gl-/, /hl-/, /fl-/, /kl-/, /kn-/, /br-/, /dr-/, /gr-/, /hr-/, /fr-/, /kr-/, /θr-/, /sk-/, (> /š-/), /st-/. Дифтонг /ēa/ выступает еще после /gn-/, /hn-/, /sl-/, /sm-/, а дифтонг /ēo/ — после /sn-/, /tr-/. К примеру:

blēaþ 'нежный'
glēam 'радость'
hlēapan 'прыгать'
flēag прош. вр. от *flēogan*
clēaf прош. вр. от *clēofan*
slēaw 'медленный'
cnēatian 'спорить'
brēad 'хлеб'
drēam 'радость'
grēat 'великий'
hrēaw 'сырой'
frēas прош. вр. от *frēosan*
crēad прош. вб. от *crēodan*
prēat 'толпа, угроза'
scēaf 'связка'
stēam 'пар'
gnēad 'бережливый'
hnēapan 'срывать'
smēagan 'рассуждать'

blēow прош. вр. от *blōwan*
chor-glēow 'музыкальный танец'
hlēor 'щека'
flēotan 'плавать'
clēofan 'раскалывать'
cnēow прош. вр. от *cnāwan*
brēost 'грудь'
drēogan 'работать'
grēotan 'плакать'
hrēosan 'падать'
frēosan 'замерзать'
crēodan 'толпиться'
trēow 'правда'
a-prēotan 'утомлять'
scēotan 'стрелять'
snēome, snīome 'быстро'
stēoran, stīoran 'править рулем'

Обращает на себя внимание тот факт, что дифтонги /ēa/, /ēo/ особенно продуктивно выступают после тех двухчленных групп согласных, вторым элементом которых являются прежде всего плавные /l r/. Заметим, что долгие дифтонги выступают только после тех трехчленных групп согласных, первым элементом которых является /s/, а конечным /r/: /ēa/ выступает после /skr-/ (> šr-), /spr-/, /str-/, а /ēo/, /iō/ после /spr-/ и /str-/.

В отношении ограничения сочетаемости долгих дифтонгов в постконсонантной медиальной позиции следует, пожалуй, отметить, что все они наиболее редко выступают после лабиальных /m w/. Дифтонги /ēa/, /iō/ вообще не выступают в этой позиции, а примеры с /ēo/ исключительно редки: *mēos* 'мшистый', *wēod* 'сорная трава'.

Анализируя сочетаемость долгих дифтонгов в медиальной приконсонантной позиции, следует указать, что они, как и в первой позиции, могли высту-

пать перед одним согласным, группами из двух, редко из трех смежных согласных:

<i>dēaw</i> 'роса'	<i>dēor, dīor</i> 'животное'
<i>hrēawnisse</i> 'раскаianie'	<i>lēoht, lioht</i> 'свет'
— <i>lēast</i> окончание сущ., образ. от прил. с <i>-lēas</i>	<i>þīostro, þēostru</i> 'темнота'
	<i>fēowrþa</i> 'четвертый'

Любопытно отметить, что долгие дифтонги не выступают перед лабиальными /b/. Притом в приконсонантной позиции они выступают не перед теми же группами согласных, после которых они активно выступали в постконсонантной позиции. Дифтонг /ēa/ выступает перед /-dl/, /-fl/, /-sl/, /-θl/, /-wl/, /-kn/, /-tn/, /-θn/, /-wn/, /-fd/, /-st/, /-hθ/, а дифтонг /ēo/ перед /-fl/, /-pl/, /-fn/, /-wn/, /-ld/, /-ng/, /-ht/, /-st/, /-θr/, /-rθ/. Например:

<i>dēadlice</i> 'смертно'	<i>hēahþu</i> 'высота'
<i>hēaflic</i> 'печальный'	<i>hrēofla</i> 'прокажённы''
<i>ārleaslice</i> 'безнравственно'	<i>dēoplice</i> 'глубоко'
<i>gnēaplicnes</i> 'бережливость'	<i>hrēofnes</i> 'проказа'
<i>spreāwlian</i> 'растянуться'	<i>hrēowness</i> = <i>hreaawnisse</i>
<i>bēacne</i> 'подавать знак'	<i>be</i> — <i>hēold</i> прош. вр. от <i>behēaldan</i>
<i>grēatness</i> 'величие'	<i>fēong</i> 'ненависть'
<i>gnēapnes</i> 'умеренность'	<i>lēoht, lioht</i> 'свет'
<i>hrēawnise</i> 'раскаianie'	<i>brēost</i> 'грудь'
<i>hēafdu</i> множ. ч. от <i>hēafod</i>	<i>hlēodrian</i> 'звучать'
— <i>lēast</i>	<i>fēorþa, fīorþa</i> 'четыре''

Нельзя не заметить, что дифтонги /ēa/, /ēo/, /io/ активнее всего выступают перед теми двухчленными группами согласных, вторым элементом которых являются согласные /l r/. Особенно это заметно в случае дифтонга /ēa/. Позиция перед трехчленными группами является непродуктивной, долгий /ēo/ выступает только перед /-str/, /-wrθ/.

Для того, чтобы ясно представить функционирование долгих дифтонгов в древнеанглийском языке, следует также обратить внимание на степень использования их в морфологической системе языка. Нельзя не заметить, что с точки зрения морфологического состава материал, отражающий древнеанглийские долгие дифтонги, отличается большим разнообразием: они выступают в существительных, прилагательных, числительных, наречиях, глаголах и причастиях.

Особенно продуктивными являются дифтонги /ēa/, /ēo/, /io/ в именах существительных. Это прежде всего дериваты от следующих существительных:

<i>bēag, bēah</i> 'кольцо'	<i>lēaf</i> 'лист'
<i>bēam</i> 'дерево'	<i>strēam</i> 'течение'
<i>cēap</i> 'цена'	<i>bēod</i> 'стол'
<i>dēaþ</i> 'смерть'	<i>bēor, bīor</i> 'пиво'
<i>drēam</i> 'радость'	<i>dēop, dīop</i> 'глубина'
<i>ēage</i> 'глаз'	<i>liode, lēode</i> 'народ'
<i>ēar</i> 'ухо'	<i>lēoþ</i> 'песня'

glēaw 'умны"
hēafod 'голова'
lēas 'лук-порей'

hrēod 'камыш'
trēow 'дерево'
þēod 'люди'

Слово *bēam* употребляется с 23 названиями деревьев, с *trēow* – с 18 названиями:

cyst-bēam 'каштановое дерево'
cuic-bēam 'можжевельник'
ciric-bēam 'вишневое дерево'

appel-trēow 'яблоня'
bōc-trēow 'буковое дерево'
ceder-trēow 'кедровое дерево'

Дифтонги /*ēa*/, /*ēo*/ широко выступают в именах собственных, особенно выделяются имена собственные с компонентами *ēad-* и *dēor-*:

Ēadbald – *bold*
Ēadgār
Ēadmund
Ēadred

Dēor(a) – *by*
Dēor – *by* – *scīr*
Dēor – *hām*
Dēor – *hyrst*

Следует выделить некоторые существительные с дифтонгами /*ēa*/, /*ēo*/, которые в сложных существительных теряют свое основное значение. Это *frēa*, которое в сложных существительных приобретает значение 'очень', 'в большой мере' и *þēod* со значением 'великий', 'огромны"', 'общий':

frēa – *beorht*
frēa – *glēaw*
frēa – *hræd*

þēod – *gestrēon*
þēod – *guma*
þēod – *fruma*

Слово *þēod* – выступает и в именах собственных:

Ðēod – *bald*, *Ðēod* – *ric*, *þēod* – *Scyldingas*.

В прилагательных дифтонги /*ēa*/, /*ēo*/, /*io*/ особенно продуктивно выступают в следующих словах:

gelēaf 'имеющий доверие'
glēaw 'умный'
hēah 'высокий'
ēast 'восточный'

ēap 'легкий'
dēop, *dīop* 'глубокий'
lēoh 'светлы"
sēoc 'большой'

Обращает внимание особенная словообразовательная продуктивность некоторых суффиксов, содержащих дифтонги /*ēa*/, /*ēo*/ . Прежде всего это суффиксы прилагательных *-lēas* и *-hlēor*:

wif-lēas 'неженатый'
wine-lēas 'без друзей'
gime-lēas 'беззаботны"

fated-hlēor 'украшенная щека'
swatig-hlēor 'потнолицый'
tēarig-hlēor 'со щеками в слезах'

Окончание существительных с суффиксом *-lēast* является, к тому же, весьма продуктивным:

wif – *lēast*
wæter – *lēast*

weg – *lēast*
gýmēlēast

Прилагательное *hēah* с дифтонгом /*ēa*/ во многих сложных существительных приобретает значение 'великий', 'главный', 'основной':

<i>hēah—burg</i>	<i>hēah—ealdor</i>
<i>hēah—clēofa</i>	<i>hēah—cuning</i>

В наречиях дифтонги /*ēa*/, /*ēo*/, /*io*/ выступают сравнительно редко. В основном это дериваты от прилагательных *dēad*, *glēaw*, *ēadig*, *hēah*, *lēas*, *dēop*, *dīop*, *lēof*, *lēoht*:

<i>dēadlice</i>	<i>lēaslice</i>	<i>lēoflice</i>
<i>glēawlice</i>	<i>hēah</i>	<i>lēohte</i>
<i>ēadiglice</i>	<i>dēoplice</i> , <i>dīoplice</i>	<i>hēo—dæg</i>

В числительных долгие дифтонги выступают исключительно редко: *tēa* 'десять', *þrio*, *þrēo* 'три', *fēower*, *fīower* 'четыре', *fēowertig* 'сорок', *fēower-tyne* 'четырнадцать', *fēorþa*, *fiorþa* 'четвертый'

Дифтонги /*ēa*/, /*ēo*/, /*io*/ широко выступали в сильных глаголах II класса, образуя ряд чередования *ēo—ēa—ū—ō*. Это глаголы:

<i>bēodan</i> , <i>biodan</i> 'указывать'	<i>hlēotan</i> 'бросать жребий'
<i>brēotan</i> 'ломать'	<i>hrēosan</i> 'падать'
<i>brēodan</i> 'разрушать'	<i>hrēowan</i> 'горевать'
<i>brēowan</i> 'варить'	<i>for—lēosan</i> 'терять'
<i>cēosan</i> , <i>ciosan</i> 'выбирать'	<i>lēodan</i> 'расти'
<i>cēowan</i> 'жевать'	<i>lēogan</i> 'лгать'
<i>clēofan</i> 'раскалывать'	<i>nēotan</i> , <i>nīotan</i> 'наслаждаться'
<i>crēodan</i> 'толпиться'	<i>rēosan</i> 'дымить'
<i>crēopan</i> 'ползти'	<i>rēodan</i> 'краснеть'
<i>drēogan</i> 'работать'	<i>rēofan</i> 'рвать'
<i>drēopan</i> 'ронять'	<i>rēotan</i> 'шуметь'
<i>drēosan</i> 'падать'	<i>scēofan</i> 'пихать'
<i>flēogan</i> , <i>fliogan</i> 'летать'	<i>scēotan</i> 'стрелять'
<i>flēotan</i> 'плавать'	<i>sēoþan</i> 'кипеть'
<i>frēosan</i> 'замерзать'	<i>smēocan</i> 'курить'
<i>gēopan</i> 'принимать'	<i>sprēotan</i> 'расти'
<i>gēotan</i> 'течь'	<i>þēotan</i> 'выть'
<i>grēotan</i> 'плакать'	<i>þrēotan</i> 'утомлять'

Следует указать, что вокалический ряд чередования, закрепленный в формах указанных сильных глаголов II класса, представляет собой продолжение прагерманского типа чередования *eu—au* / *u—u*, который в свою очередь основан на индоевропейском типе *eu/ou* и *eu/u* (греч. *spēudō* (спешить) и *srouđē* (спешка), *phēúgō* (лететь) и *phugē* (полет))¹¹. Таким образом, индоевропейский ряд *eu—ou* / *u—u* стал в германском *eu—au* / *u—u*, а в древнеанглийском *ēo—ēa* / *ū—ū*. Следовательно, хотя древнеанглийский как система представляет собой совершенно новый языковый тип по сравнению с исходным индоевропейским, он через общегерманский унаследовал некоторые особенности индоевропейского.

¹¹ A. Reszkiewicz. A Diachronic Grammar of Old English. Warszawa, 1973, s. 154.

Некоторые сильные глаголы, относящиеся ко II классу, образуют ряд чередования $\ddot{u}-\ddot{e}a-\ddot{u}-\ddot{o}$. Это глаголы *būgan* 'наклоняться', *brūcan* 'пользоваться', *dūfan* 'нырять', *hrūtan* 'храпеть', *lūcan* 'запирать на замок', *lūtan* 'кланяться', *sūcan* 'сосать', *sūpan* 'ужинать', *smūgan* 'ползать', *slūpan* 'скользить', *scūfan* 'толкать', *sprūtan* 'расти', *strūdan* 'портить', *dūtan* (*dēotan*) 'выть'. Кроме того, дифтонг /*ēa*/ выступает в форме претерита единственного числа одного из 12 претерито-презентных глаголов — *dūgan* 'быть полезным'. Здесь ряд чередования $\ddot{u}-\ddot{e}a-\ddot{u}-\ddot{o}$. Следует добавить, что дифтонг /*ēa*/ к тому же выступает в формах инфинитива и причастия II некоторых сильных глаголов VII класса, а дифтонг /*ēo*/ в формах претерита тех же глаголов, образуя ряд чередования $\ddot{e}a-\ddot{e}o-\ddot{e}o-\ddot{e}a$:

<i>bēatan</i> 'бить'	<i>hēawan</i> 'уничтожать'
<i>ēacen</i> 'увеличиваться'	<i>hlēapan</i> 'прыгать'
<i>ēadan</i> 'давать'	<i>hnēapan</i> 'срывать'

Некоторые сильные глаголы VII класса образуют ряд чередования $\ddot{a}/o-\ddot{e}o-\ddot{e}o-\ddot{a}/\ddot{o}$:

<i>blōwan</i> 'цвести'	<i>grōwan</i> 'расти'
<i>blōtan</i> 'жертвовать'	<i>hlōwan</i> 'реветь'
<i>cnōdan</i> 'выделять'	<i>hwōpan</i> 'пугать'
<i>flōcan</i> 'хлопать'	<i>hrōpan</i> 'кричать'
<i>flōwan</i> 'течь'	<i>rōwan</i> 'грести'
<i>swōgan</i> 'бросаться'	<i>wrōtan</i> 'вскапывать'
<i>blāwan</i> 'дуть'	<i>sāwan</i> 'сеять'
<i>cnāwan</i> 'знать'	<i>swāpan</i> 'подметать'
<i>crāwan</i> 'каркать'	<i>drāwan</i> 'бросать'
<i>māwan</i> 'косить'	<i>wāwan</i> 'веять'

Нельзя не заметить, что дифтонги /*ēa*/, /*ēo*/ широко чередуются в корневых морфемах только с гласными заднего ряда, т.е. /*u* о *a*/.

Рассмотренный материал приводит к заключению, что ограничения дистрибуции долгих дифтонгов были прежде всего связаны с условиями их происхождения из старых германских дифтонгов, а с другой стороны — с характером морфологической системы древнеанглийского языка. Следовательно, ограничения в сочетаемости являются в некоторой мере лексическими, так как долгие дифтонги выступали только в тех словах, в которых соответствующие дифтонги были и в германском. Положение долгих дифтонгов как периферийных элементов вокалической системы могло привести к их исчезновению или к полному интегрированию в систему. Однако данное исследование полностью убеждает, что широкое использование дифтонгов в основных частях речи и их дериватах, а также их использование в морфологических чередованиях корневых морфем, высокая степень сочетаемости с согласными фонемами действовали как факторы, способствующие интеграции долгих дифтонгов в языковую систему.

ON THE FORMATION AND FUNCTIONING OF OE LONG DIPHTHONGS

L. ZABULIENĖ

Summary

The analysis of the formation of the long diphthongs /ēa ēo io/ rests on the assumption that in early Primitive English they were biphonemic and bimoric, just like Proto-Germanic diphthongs. However, in historic and even in prehistoric periods of OE the reflexes of Proto-Germanic au, eu, iu should be treated already as monophonemes. Peculiar phonetic development of the elements of the diphthongs diverging from the corresponding monophonemes well attests to their monophonemic character.

The analysis of the material leads to the conclusion that restrictions in the distribution of long diphthongs are closely connected with the conditions of their origin from old Germanic diphthongs and, on the other hand, with the character of the morphological system of OE.